

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-220-233>

ЦЕРКОВЬ, РАЗВОД И РАЗДЕЛЬНОЕ ЖИТЕЛЬСТВО СУПРУГОВ В РОССИИ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XIX ВВ.

Марина Андреевна Белоусова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991,
Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

marina.a.belousova@yandex.ru

Аннотация

Целью статьи, посвященной одной из малоизученных проблем истории церковного и семейного права, стало выявление отношения богословской доктрины Русской православной церкви и церковного суда в России в конце XVII – начале XIX вв. к раздельному жительству супругов. Используя такие научные методы, как исторический, логический и системный анализ, автор показывает, что органы духовного суда в исследуемый период спокойно относились к временному разлучению супругов без развода, хотя однозначной линии в церковной практике по этому вопросу не наблюдалось. Следовательно, позднейшие аргументы Синода о недопустимости раздельного жительства супругов не имели оснований в практике вплоть до начала XIX в.

Ключевые слова: раздельное жительство супругов; развод; церковный суд; Русская православная церковь; жестокое обращение.

Для цитирования: Белоусова М. А. Церковь, развод и раздельное жительство супругов в России конца XVII – начала XIX вв. // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 220–233. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-220-233>

Research Article

THE CHURCH, DIVORCE, AND SEPARATE SPOUSAL RESIDENCE IN RUSSIA FROM THE LATE 17TH TO THE EARLY 19TH CENTURY

Marina A. Belousova

Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
marina.a.belousova@yandex.ru

Abstract

The article examines the attitude of the theological doctrine of the Russian Orthodox Church and ecclesiastical courts in Russia from the late 17th to the early 19th century toward separate spousal residence. The author demonstrates that, during the studied period, ecclesiastical courts were generally tolerant of temporary marital separation without divorce, although no consistent policy on this issue existed in church practice. Consequently, the Synod's later arguments against the permissibility of separate spousal residence lacked a foundation in historical practice until the early 19th century.

Keywords: separate living of spouses; divorce; ecclesiastical court; Russian Orthodox Church; cruel treatment.

For citation: *Belousova M. A. The Church, Divorce, and Separate Spousal Residence in Russia from the Late 17th to the Early 19th Century. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 1, pp. 220–233. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-220-233>

Введение

В конце XIX в. перед российским законодателем остро встал вопрос совершенствования нормативной базы о супружеских несогласиях. Супруги, совместная жизнь которых стала невыносимой, могли расторгнуть брак лишь по очень ограниченному кругу оснований. Бракоразводное судопроизводство относилось к ведомству духовного суда, не впитавшего достижений Судебной реформы 1864 г. и по-прежнему практиковавшего письменное, закрытое производство, длительные сроки рассмотрения, произвол епархиального начальства. Для развода по прелюбодеянию предусматривалось обязательное предоставление свидетельских показаний, а супругу, объявленному виновным в измене, запрещалось вступать в новый брачный союз.

При этом сложные ситуации в супружеских отношениях, при которых сохранение семьи объективно не представлялось возможным, не исчерпывались случаями измен или тяжких преступлений. Супружеское насилие принимало порой

самые уродливые формы [1, с. 447–467; 2, с. 658–679], но не являлось основанием для развода.

С точки зрения закона супруги в любых обстоятельствах, кроме тех, что были связаны с нормальным течением семейной жизни (например, временным уходом на заработки), должны были проживать совместно (ст. 103 ч. 1 т. X Свода законов Российской империи). Женщины могли получить отдельный вид на жительство для проживания за пределами уезда, к которому был приписан муж, только с согласия последнего. Следовательно, в соответствии с буквальным толкованием закона, никакой помощи страдающим от жестокого обращения супругам властные органы предоставить не могли.

Несмотря на это, административные и судебные органы старались облегчать страдания супругов, в особенности жен, предоставляя вопреки законодательным запретам в сложных ситуациях документы для отдельного проживания женщинам даже без согласия мужей. К рубежу XIX–XX вв. начала складываться практика Правительствующего Сената, пользовавшегося своими полномочиями по толкованию законов Российской империи для смягчения положений обязывавшей супругов к совместному жительству ст. 103.

В такой ситуации неизбежно возник вопрос об изменении законодательства: практика настолько противоречила существовавшим законодательным нормам, что дальнейшее попустительство в отношении раздельного проживания могло привести к полной дискредитации закона.

Однако разработанный в 1898 г. по поручению Государственного Совета Комиссией по составлению Гражданского уложения законопроект о разрешении раздельного жительства встретил серьезное сопротивление со стороны Русской православной церкви. Обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев и другие представители церковного ведомства утвердились во мнении, что данный институт противоречит православному вероучению, согласно которому брак нерасторжим, кроме определенных церковью случаев, а супруги должны проживать в духовном и телесном единстве (Мф. 19:5–6) [3, с. 11–12]. Церковная периодика конца XIX – начала XX вв. однозначно выступала против дозволения раздельного жительства супругов в светском суде [4, с. 506]. Вместо разлучения супругов служители церкви предлагалось увещание к совместной мирной жизни.

Рассмотрим, насколько такая однозначная позиция церковного ведомства опиралась на традицию Русской православной церкви, как в сфере богословских и церковноправовых взглядов, так и в рамках практики церковного суда.

Основная часть

До конца XVII в. Русская православная церковь, занимавшаяся брачно-семейными вопросами, практически не пользовалась возможностью разлучения супругов без расторжения брака. Объяснение этому можно найти в относительной свободе бракоразводной практики. Архиереи и иные должностные лица церковного суда были вольны принимать решения о расторжении брака в соответствии с потребностями супругов, так как церковное управление не было в достаточной мере централизовано. Помимо прочего, поводом к разводу могли считаться жестокое обращение

с женой, пьянство и распутство мужа, растрата мужем приданого жены. Кроме того, супруги могли достаточно свободно разлучаться по обоюдному согласию, подписывая разводные записи (свободные или разводные письма) – соглашения об «освобождении» друг друга от уз брака [5, с. 325–342]. Такие акты без особенных проблем удостоверялись должностными лицами, а также духовными отцами супругов или даже церковнослужителями (дьячками или пономарями) [6, с. 36–42].

Появление раздельного жительства супругов

В подобных условиях не слишком затрудненного развода не было необходимости в дополнительном инструменте раздельного жительства супругов. Это позволило исследователям утверждать, что временное разлучение в России было легализовано лишь в 1722 г. [7, с. 121]. Однако М. К. Цатурова обнаружила случай утверждения в 1687 г. Устюжским архиепископом Александром раздельного жительства без развода по причине жестокого обращения со стороны мужа и свекра [8, с. 71–72]. Представляется, этот случай не был исключительным по причине относительной самостоятельности церковных властей в решении проблем несчастных браков, а также добровольности соглашения о раздельном проживании.

Отсутствие контроля за епархиальным управлением в вопросе расторжения браков влекла за собой злоупотребления. Зачастую мужья, желая избавиться от постылых жен, обманом или принуждением получали от последних согласие постричься в монахи и, через то, развод с возможностью вступить в новый брак. Это привело к изданию патриархом Адрианом в 1697 г. указа о запрете разводов во всех случаях, кроме прелюбодеяния или покушения на жизнь супруга [9, с. 21].

Хотя данный указ не получил повсеместного применения, доступные поводы к разводу в XVIII в. постепенно упорядочиваются, а потому – сокращаются, что, как следствие, вызывает рост потребности в альтернативе – разлучении супругов без расторжения брака [6, с. 70]. Местные епархиальные архиереи и духовные консистории, теряя возможность предоставления полного развода в случаях жестокого обращения мужа с женой или серьезной болезни одного из супругов, все чаще прибегали к их разлучению до примирения [10, с. 76].

Никаких ограничений в церковных правилах для такого разлучения ни местные духовные власти, ни возглавивший церковное управление Святейший Синод не видели. Канонические нормы не запрещали разлучение при условии дальнейшего безбрачия обоих супругов: «жене не разводиться с мужем, – если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, – и мужу не оставлять жены своей» (1 Кор. 7:10-11). Правила Вселенских соборов не предусматривали никакой епитимьи (церковного наказания) в случае, если разлучившиеся супруги сохраняют телесную чистоту (115 правило Карфагенского собора).

Первым из известных случаев, когда Синодом было установлено раздельное жительство супругов, стало резонансное дело Василия и Александры Салтыковых 1721–1723 гг., за которую отец просил о разводе по причине чрезвычайно жестокого обращения с ней мужа [11, № 99, стлб. 68–69]. Супруг, который и сам желал развестись, но не хотел оказаться виновной (а значит, безбрачной до конца жизни) стороной, обвинил Александру в прелюбодеянии. Вина жены не была доказа-

на, а Святейший Синод оказался озадачен проблемой, можно ли позволять развод на основании жестокого обращения с супругой. По предположению И. А. Чистовича, именно это дело стало основанием для знаменитых рассуждений членов Синода о правильных поводах к разводу [12, с. 129].

Мнения в Синоде по этому вопросу разделились. Ассессор Анастасий Кондоиди (будущий епископ Суздальский) посчитал, что помимо прелюбодеяния основанием для развода должно быть и жестокое обращение мужа, так как он не должен применять меры физического насилия к жене [9, с. 35–40]. По-видимому, греку, недавно поселившемуся в России (на постоянной основе – лишь с 1714 г.), были плохо знакомы реалии русского брака, для которого телесное «поучение» жены и детей считалось нормой.

Епископ Псковский Феофан (Прокопович) выступал за разрешение развода только на основании прелюбодеяния, причем в равной степени мужчины и женщины [9, с. 25–28]. Также Феофан впервые в российском богословии разработал теорию разграничения между совершенным (полным, окончательным) и несовершенным (временным) разводом. Под несовершенным разводом епископ понимал разлучение супружеского сожителства, при котором брак не расторгается и ни один из супругов не может вступить в новый брак.

При решении дела Салтыковых возоблагодало мнение Феофана Прокоповича, и в итоговом постановлении Синода, установившем для супругов раздельное жителство, был употреблен термин «временный развод».

Позднейшая практика духовного ведомства по установлению раздельного жителства супругов состояла в непосредственной связи с постепенным ограничением поводов к разводу. Например, Святейший Синод с 1720-х гг. вступил борьбу с насильственными пострижениями опостылевших жен в монастыри. Указ от 22 марта 1723 г. запрещал развод по причине болезни при желании кого-то из супругов постричься в монастырь без всестороннего исследования обстоятельств и медицинского освидетельствования, а также без утверждения решения о расторжении брака Святейшим Синодом [13, № 4190].

На практике просьбы о разводах по болезни стали рассматриваться гораздо внимательнее, и чаще всего, если больной супруг желал освободить здорового и дать ему возможность вступить в брак, но не собирался уходить в монастырь, такой развод не разрешался за отсутствием оснований [14, с. № 1816, с. 391]. Здесь духовные отцы напоминали о задаче брака – взаимной поддержке в трудных жизненных ситуациях, и призывали проявлять терпение в болезнях, посланных Богом. Если желание уйти в монастырь было реальным, Синод мог дать такую возможность.

По делу генерал-майора князя Василия Вяземского и его жены Марьи, желавших из-за старости и болезней разойтись и постричься в монахи, Святейший Синод принял в 1728 г. интересное решение. Разрешив супругам «от законного супружества друг от друга быть свободным», он указал, что это освобождение не позволяет им вступления в новые браки или в незаконные интимные отношения [15, № 2150, с. 207–211]. По форме это решение вполне соответствовало дозволению раздельного жителства супругов, если по какой-то причине один из них или они оба передумают принимать постриг.

Еще одним основанием для развода, тесно связанным с перспективой установления раздельного жительства, было покушение на жизнь супруга. В 1723 г. Святейший Синод в очередной раз указал, что «умышление на живот» является основанием для развода, а потому жены, пытавшиеся добиться развода на основании жестокого обращения мужей, специально подчеркивали в своих челобитных факт того, что мужа били их «смертным боем» [16, № 519, с. 756], из-за чего они могли опасаться за свою жизнь [17, с. 117–120]. В случае доказанного жестокого обращения духовные власти увещали супругов к примирению либо, при нежелании последних сойтись, предоставляли право жить раздельно без возможности вступить в брак [18, № 535, с. 639–640].

В целом именно жестокое обращение с женой было наиболее частым основанием для разрешения раздельного жительства супругов. Политика дозволения разлучений после утверждения в решении по делу Салтыковых временного развода в 1723 г. велась как на уровне епархиальных архиереев и консисторий, так и самим Святейшим Синодом. Никаких противоречий канонам и законам в дозволении жить отдельно не усматривалось, но многих измученных жен оно вполне устраивало.

Иногда спокойное отношение к раздельному жительству со стороны церкви, а также отсутствие устоявшихся терминов, которые могли бы однозначно разграничить расторжение брака и раздельное жительство (в обоих случаях мог применяться термин «разлучение»), приводили к недопониманиям или попыткам злоупотреблений. Так, в 1730 г. Екатерина Шеншина из-за болезни и побоев со стороны мужа получила от архиепископа Крутицкого Леонида дозволение «быть от супружества свободной», но в новый брак не вступать [19, № 198, стлб. 318–321]. При составлении архиерейского решения было упущено уточнение о таком же безбрачном состоянии мужа, чем тот не преминул воспользоваться, вступив в новый брак, предъявив решение преосвященного Леонида как доказательство развода с предыдущей женой и отсутствия запрещения на вступление в новый брак. В 1749 г. по решению Синода второй брак Шеншина был признан недействительным, а сам он подвергнут наказанию за двоебрачие.

Случаи разрешения раздельного жительства супругов в XVIII – начале XIX вв.

В целом режим раздельного жительства супругов по решению или одобрению Русской православной церкви в XVIII – начале XIX вв. мог устанавливаться в трех основных вариантах: 1) по решению духовного суда при жестоком обращении с женой (при отсутствии поводов к разводу или недоказанности прелюбодеяния); 2) в результате мирового соглашения супругов, утвержденного церковными властями; 3) как временная мера до окончания бракоразводного процесса.

Первый случай был реакцией на попытки ограничения вседозволенности духовных судов в бракоразводных делах. При этом церковным властям было необходимо не просто принять решение в соответствии с нормами церковного права, но и помочь прихожанам в сложной семейной ситуации. Увещание мужа, жестоко обращавшегося с женой, со стороны духовника или консистории, далеко не во всяком случае приводило к положительному результату. А принуждение женщины к продолжению супружеских отношений означало подталкивание супругов к новым грехам. Муж мог

воспринять безнаказанность как одобрение насилия, которое могло привести к любым последствиям, вплоть до причинения жене смерти [20, с. 59–60]. Жена, не находя помощи у властей, принуждалась к самовольному оставлению сожительства или к разврату при отсутствии средств к существованию и готовых приютить родственников. Для того чтобы избежать подобных последствий, церковный суд мог предоставить право отдельного проживания для супругов, «донжеде смирятся» (до примирения), с запретом вступать в новые браки. Важно отметить, что в большинстве случаев примирение по делам, связанным с супружескими несогласиями, должно было быть обоюдным: даже если муж обещал прекратить побои и хотел примириться с женой, ее нежелание продолжать сожительство по общему правилу препятствовало возобновлению супружеских отношений [21, стлб. 241–243]. В отдельных случаях даже просто несогласное житье супругов, без всякого физического насилия, могло стать основанием для разлучения [22, № 3556, с. 378–379].

Однако общего курса по отношению к подобного рода случаям в епархиальном производстве и Синоде не наблюдалось. Параллельно с разрешением раздельного жительства духовные суды на протяжении всего XVIII в. принимали решения, запрещавшие разлучение супругов и понуждавшие их к примирению и совместному жительству. Так, например, в 1726 г. московская Духовная дикастерия не позволила крестьянке вернуться к отцу из дома малолетнего мужа, где она терпела побои, заявив, что добровольное согласие на брак с малолетним мужем обязывает ее к терпению [20, с. 241–242]. Аналогичное решение было принято дикастерией в 1729 г. по делу Нечаевых [23, № 441, стлб. 614–618].

В 1740 г. члены Казанской консистории пытались принудить Ксению Кашкадамову к совместному жительству с мужем, запугивая и передавая якобы слова епископа Казанского Луки о том, что «хотя бы от мужа замучена будет, то от Бога примет венец и погребена будет с радостью честно» [24, № 325, стлб. 256]. Впоследствии Синод, несмотря на мнение епископов Казанского и Нижегородского о необходимости дать совершенный развод молодым супругам, ненавидящим друг друга, не разрешил Ксении даже отдельное от мужа проживание, а также добился запрета ей совершать крепостные сделки со своими именьями.

Определенное ужесточение отношения к раздельному жительству связано с именем архиепископа Тверского и Кашинского, а затем митрополита Московского Платона (Левшина). В 1774 г. Синод принял решение по делу Михайлы Апухтина, не желавшего жить вместе с женой, обязав архиерея увещать к сожительству, а при отказе – отправить в монастырь на покаяние, пока не согласится. По всей видимости, такое решение было обусловлено влиянием Платона, являвшегося на тот момент членом Синода. Похожий способ воздействия был избран митрополитом Платоном в деле Анны и Петра Герасимовых в 1776 г. Вопреки мнению Московской духовной консистории, считавшей возможным разрешить отдельное проживание жене, терпевшей побои и оскорбления от мужа и его семьи, митрополит приказал многократно увещать супругу к совместному жительству, а при отказе – отправить в монастырь до примирения с мужем. В других случаях митрополит Платон также настаивал на повторяющемся увещании к воссоединению супругов [25, № 475; 26, с. 103–104]. Подчеркивал необходимость увещания и архиепископ Санкт-Петербургский Гавриил [25, № 344].

Хотя Г. Фриз полагал, что с 1760-х гг. церковь начала серьезно ограничивать раздельное проживание супругов [27, р. 743], практика не показывает единой тенденции по сокращению или расширению установления раздельного жительства духовным судом в течение XVIII – начала XIX вв.

Вторым путем установления раздельного жительства в XVIII – начале XIX вв. было утверждение духовным судом мировых соглашений, условием которых являлось раздельное проживание. Супруги порой вступали в бракоразводные процессы, пытаясь добиться официального развода или разлучения, но оказывались втянутыми в бесконечные процедуры архаичного церковного судопроизводства [28, № 332; 29, № 157]. Понимая, что ожидание помощи от властей может затянуться, они зачастую решали вопросы раздельного проживания полюбовно, остыв от первых проявлений взаимной ненависти.

Данные акты не рассматривались как разводные письма, удостоверить которые духовным лицам было запрещено в 1730 и 1767 гг., так как не подразумевали расторжения брака: супруги расходились, но продолжали нести брачные обязанности и не имели права вступать в новые браки. Духовные власти даже поддерживали заключение мировых соглашений, потому что они позволяли сохранить брак и не прибегать к разводу даже при наличии оснований в виде прелюбодеяния, а также упраздняли необходимость дальнейшего производства в перегруженных консисториях.

Также мировыми соглашениями могли определяться имущественные отношения по содержанию мужем жены и детей. В 1730 г. Синод, утвердив соглашение супругов Ржевских о раздельном проживании, даже проверял, исполнил ли муж установленные в этом документе обязанности по содержанию в виде предоставления движимого и недвижимого имущества [28, № 332, стлб. 552], хотя этот вопрос и не входил в компетенцию духовного ведомства и больше интересовал светские органы [30, № 14160].

Кроме того, жены, опасавшиеся продолжения побоев после обращения в духовный суд за разлучением от супружеской жизни из-за жестокого обращения, могли просить дозволения проживать отдельно от мужей до принятия решения церковным судом [17, с. 113–117]. По мнению М. И. Горчакова, временное разлучение супругов как процессуальная мера в бракоразводном производстве появилась в XVII в., когда архиереи, сомневаясь в применимости норм о признании брака незаконным, обращались за разъяснением к патриарху или местоблюстителю патриаршего престола, до получения этого разъяснения указывали женам и мужьям жить отдельно [31, с. 359].

Запрет раздельного жительства в духовной практике

Завершение эпохи раздельного жительства, устанавливаемого авторитетом духовного суда, ознаменовалось принятием 26 марта 1819 г. высочайше утвержденного мнения Государственного Совета по делу Павла Шелковникова [32, № 27737]. Это решение закрепило внезапное изменение подхода Русской православной церкви к вопросу о раздельном жительстве супругов, установив для него полный запрет.

Дело, столь серьезно изменившее правовую ситуацию в вопросе разлучения супругов, началось с брачных несогласий Павла и Марии Шелковниковых, обратившихся за утверждением мирового соглашения в светские органы: запись, которой муж обязывался содержать отдельно проживавшую жену, была совершена в 1811 г. в Санкт-Петербургской гражданской судебной палате, а затем утверждена в 4-м департаменте Сената.

В Санкт-Петербургскую духовную консисторию дело попало уже позже, когда Павел Шелковников обратился с просьбой о расторжении брака по прелюбодеянию жены и о признании ее дочери Александры незаконнорожденной. Духовный суд, выяснив, что вопрос о раздельном жительстве супругов был разобран без его вмешательства, принял решение о необходимости уничтожить запись Шелковникова, как запрещенную законами 1730 и 1767 гг. «роспускную книгу» (разводное письмо) и противоречившую церковным нормам. Когда супруги подали в Святейший Синод апелляцию на это решение, тот нашел необходимым через министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына вывести на законодательный уровень запрет светским органам, участвовать в делах о супружеских несогласиях и устанавливать режим раздельного проживания.

В действительности никакого противоречия каноническим правилам в этой записи не было, о чем свидетельствуют упомянутые выше многочисленные случаи одобрения духовным ведомством подобных супружеских соглашений. Ссылки на установления Нового Завета (Мф. 19:3-12; Мк. 10:2-12; 1 Кор. 7:10-18) ранее использовались в обоснование нерасторжимости брака разводом по желанию супругов, а не как основания для запрета раздельного жительства. Законы 1730 и 1767 гг. относились также лишь к соглашениям о разводе (с правом нового вступления в брак), а, кроме того, запрещали утверждать подобные акты лишь духовным лицам, но никак не органам гражданской власти.

Участие светских органов в решении имущественных вопросов, не входивших в компетенцию церкви, в более ранних делах имело место без всякого сопротивления духовного суда [30, № 14160], а оспаривавшаяся запись в большей степени касалась именно финансового обеспечения, которое Павел Шелковников обязался предоставлять своей жене. В случае с записью Шелковниковых недовольство церковных органов было вызвано, по всей видимости, именно с утверждением соглашения о раздельном жительстве без обращения к духовному суду, в компетенции которого находились все брачные вопросы. Интересно, что ранее духовное ведомство допускало удостоверение соглашений о раздельном проживании в светских органах [33, с. 41]. В 1766 г., при составлении наказа синодальному депутату Уложенной комиссии, члены Святейшего Синода предлагали вообще передать дела, связанные с самовольным разлучением супругов по причине жестокого обращения, в светский суд [34, с. 61–62].

Причины нового подхода духовного ведомства подробно описал П. Л. Полянский: в правление Александра I Синод боролся за четкое разграничение светской и церковной подсудности, пользуясь для этого авторитетом А. Н. Голицына [33, с. 33–51]. Похожая тенденция проявилась в 1810-х–1820-х гг. и в отношении вмешательства светских органов в суд над духовными лицами: с 1817 г. А. Н. Голицын

добивался усиления уже существовавшего законодательного запрета светским органам инициировать производства по делам о незначительных проступках духовных лиц, что завершилось принятием 22 декабря 1823 г. «Правил для искоренения преступлений, производимых духовными лицами» и правил для судопроизводства по таковым делам в форме императорского указа [35, № 2971 1].

Утвержденное императором мнение Государственного Совета по делу Шелковникова формально устанавливало запрет на утверждение раздельного жительства супругов только для светских органов власти. Однако этот акт стал переломным и для практики церковного суда: Святейший Синод поддержал представленное Комиссией составления законов новое толкование 1730 и 1767 гг., касавшихся духовных лиц, и рассмотрение раздельного жительства как противного церковным правилам [36, с. 216], что, по всей видимости, привело к невозможности продолжать установление раздельного жительства в церковном суде. Синод позаботился также о том, чтобы текст закона был циркулярно разослан по епархиям [37]. Именно эта мера и привела к дальнейшему однозначно отрицательному отношению в церковной среде к раздельному жительству супругов и обеспечила то противодействие церкви, которое оттянуло принятие закона о раздельном жительстве супругов до 1914 г.

Заключение

Таким образом, сопротивление Русской православной церкви установлению института раздельного жительства супругов во второй половине XIX – начале XX вв. не опиралось на предшествовавшую церковную практику: раздельное жительство супругов в Российской империи нередко устанавливалось решениями церковного суда на протяжении XVIII – начала XIX вв. До принятия в 1819 г. высочайше утвержденного мнения по делу Шелковникова духовные власти всех уровней не видели нарушения канонических норм в разлучении супругов, в том числе по взаимному согласию или из-за жестокого обращения мужа с женой, если это не приводило к полному («совершенному») разводу и заключению новых браков. Начиная со второй половины XVIII в. отдельные архиереи выражали отрицательное отношение к раздельному проживанию супругов, однако общей тенденции по отказу от разлучения супругов до 1810-х гг. не наблюдалось. Внезапное изменение отношения Синода к раздельному жительству в ходе производства по делу Шелковникова объясняется скорее желанием четко разграничить компетенцию светских и церковных органов в сфере брачных отношений, «жертвой» которого пало дозволение раздельного жительства супругов. Начиная с 1819 г. не только светские, но и церковные органы утрачивают возможность официально позволять разлучение супругов без расторжения брака. Этот запрет в российском законодательстве будет сохраняться вплоть до 1914 г., однако и тогда раздельное жительство войдет в юрисдикцию не церковного, а светского суда. А принятое по делу Шелковникова и позднее широко опубликованное толкование Святейшим Синодом библейских норм и правил церковного законодательства XVIII в. породило новую богословскую позицию Русской православной церкви, однозначно запрещающую разлучение супругов, кроме случаев официальных поводов к разводу.

Пристатейный библиографический список

1. *Лудмер Я.* Бабы стоны (из заметок мирового судьи) // Юридический вестник. 1884. Т. 15. № 4.
2. *Лудмер Я.* Бабы стоны (из заметок мирового судьи) // Юридический вестник. 1884. Т. 17. № 11.
3. *Белоусова М. А.* Святейший Синод и проблема раздельного жительства супругов в Российской империи // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 25. М. : Юрист, 2025.
4. *Клитин А., свящ.* Слово в день рождения Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны // Киевские епархиальные ведомости. 1898. 16 июня. № 12.
5. *Кошелева О. Е.* «Не ходя к правильному суду...» (феномен «разводного письма» в России петровского времени) // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2014–2016 / под ред. О. И. Тогоевой, И. Н. Данилевского. Вып. 11. М. : Индик, 2016.
6. *Способин А. Д.* О разводе в России. М. : Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1881.
7. *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины XVIII века. М. : Ломоносовъ, 2012.
8. *Цатурова М. К.* Три века русского развода (XVI–XVIII века). М. : Логос, 2011.
9. Отчет Комиссии, Высочайше учрежденной при Святейшем Правительствующем Синоде для разбора дел, хранящихся в его архиве, за 1867 год. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1868.
10. *Муравьева М. Г.* Повседневные практики насилия: супружеское насилие в русских семьях XVIII в. // Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.) / общ. ред. и сост. М. Г. Муравьевой, Н. Л. Пушкаревой. СПб. : Изд-во Европейского университета в СПб, 2012.
11. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (сост. Комиссией для разбора и описания архива Святейшего Правительствующего Синода) (далее – ОДДС). Т. I (1542–1721 г.). СПб. : Синодальная тип., 1868.
12. *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1868.
13. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ-1). Т. VII. СПб. : Тип. II Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
14. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. V (28 января 1725 – 5 мая 1727) (далее – ПСПиР). СПб. : Синодальная тип., 1881.
15. ПСПиР. Т. VI (8 мая 1727 – 16 января 1730). СПб. : Синодальная тип., 1889.
16. ОДДС. Т. XI (1731). СПб. : Синодальная тип., 1903.
17. *Розанов Н. П.* История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. синода (1721–1821). Ч. 2. Кн. II. М. : Тип. «Русских ведомостей», 1870.
18. ПСПиР. Т. I. (1762–1772). СПб. : Синодальная тип., 1910.
19. ОДДС. Т. XXVI (1746). СПб. : Синодальная тип., 1907.

20. Розанов Н. П. История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. синода (1721–1821). Ч. 3. Кн. I. М. : Тип. «Русских ведомостей», 1870.
21. ОДДС. Т. XV (1735). СПб. : Синодальная тип., 1907.
22. ПСПиР. Т. X (1738–24 ноября 1741). СПб. : Синодальная тип., 1911.
24. ОДДС. Т. IX (1729). СПб. : Синодальная тип., 1913.
25. ОДДС. Т. XXI (1741). СПб. : Синодальная тип., 1913.
26. ОДДС. Т. L (1770). Пг. : Синодальная тип., 1914.
27. Письма Платона, митрополита Московского к преосвященным Амвросию и Августину. М., 1870.
28. Freeze G. Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860 // *Journal of Modern History*. 1990. Vol. 62.
29. ОДДС. Т. X (1730). СПб. : Синодальная тип., 1901.
30. ОДДС. Т. XIX (1739). СПб. : Синодальная тип., 1913.
31. ПСЗ-1. Т. XIX. СПб. : Тип. II Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
32. Горчаков М. И., *прот.* О тайне супружества. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1880.
33. ПСЗ-1. Т. XXXVI. СПб. : Тип. II Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
34. Полянский П. Л. Дело Шелковникова: к вопросу о разграничении компетенции российских церковных и светских органов в брачных делах в XIX в. // *Вестник Московского университета. Сер. 11. Право*. 2014. № 5.
35. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. XXXXIII. СПб. : Тип. Н. А. Лебедева, 1885.
36. ПСЗ-1. Т. XXXVIII. СПб. : Тип. II Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
37. Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. 7 июня 1819 г. № 23.
38. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 97. Д. 122.

References

1. *Ludmer Ia.* Women's Moans (From the Notes of a Justice of the Peace). *Iuridicheskii vestnik*, 1884, vol. 15, no. 4. (In Russ.)
2. *Ludmer Ia.* Women's Moans (From the Notes of a Justice of the Peace). *Iuridicheskii vestnik*, 1884, vol. 17, no. 11. (In Russ.)
3. *Belousova M. A.* The Holy Synod and the Problem of Spouses Living Separately in the Russian Empire. In *Scientific Works. Russian Academy of Law Sciences*. Iss. 25. Moscow: Iurist, 2025. (In Russ.)
4. *Klitin A., priest.* Sermon on the Birthday of Her Imperial Majesty Empress Alexandra Feodorovna. *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*, June 16, 1898, no. 12. (In Russ.)
5. *Kosheleva O. E.* "Without Going to the Proper Court..." (The Phenomenon of "Divorce Letters" in Peter the Great's Russia). In *Togoeva O. I., Danilevskii I. N. (eds.)*. Case Study. Individual and Unique in History – 2014–2016. Iss. 11. Moscow: Indrik, 2016. (In Russ.)
6. *Sposobin A. D.* On Divorce in Russia. Moscow: M. N. Lavrov & Co.'s Printing House, 1881. (In Russ.)

7. *Pushkareva N. L.* The Private Life of a Russian Woman in the 18th Century. Moscow: Lomonosov, 2012. (In Russ.)
8. *Tsaturova M. K.* Three Centuries of Russian Divorce (16th–18th Centuries). Moscow: Logos, 2011. (In Russ.)
9. Report of the Commission, Established by His Majesty at the Holy Governing Synod for the Review of Cases Stored in its Archive, for the Year 1867. St. Petersburg: A. Transhel's Printing House, 1868. (In Russ.)
10. *Muravieva M. G.* Everyday Practices of Violence: Marital Violence in Russian Families of the 18th Century. In *Muravieva M. G., Pushkareva N. L. (eds.)*. Domestic Violence in the History of Russian Everyday Life (10th–12th Centuries). St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2012. (In Russ.)
11. Description of Documents and Cases Stored in the Archive of the Holy Governing Synod (hereinafter – ODDS). Vol. I (1542–1721). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1868. (In Russ.)
12. *Chistovich I. A.* Feofan Prokopovich and His Time. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1868. (In Russ.)
13. Complete Collection of Laws of the Russian Empire (hereinafter – PSZ-1). Vol. VII. St. Petersburg: Printing House of His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1830. (In Russ.)
14. Complete Collection of Decrees and Orders for the Department of the Orthodox Confession of the Russian Empire (hereinafter – PSPiR). Vol. V (January 28, 1725 – May 5, 1727). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1881. (In Russ.)
15. PSPiR. Vol. VI (May 8, 1727 – January 16, 1730). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1889. (In Russ.)
16. ODDS. Vol. XI (1731). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1903. (In Russ.)
17. *Rozanov N. P.* History of Moscow Diocesan Administration from the Establishment of the Holy Synod (1721–1821). Part 2. Book II. Moscow: Printing House of "Russkie vedomosti", 1870. (In Russ.)
18. PSPiR. Vol. I (1762–1772). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1910. (In Russ.)
19. ODDS. Vol. XXVI (1746). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1907. (In Russ.)
20. *Rozanov N. P.* History of Moscow Diocesan Administration from the Establishment of the Holy Synod (1721–1821). Part 3. Book I. Moscow: Printing House of "Russkie vedomosti", 1870. (In Russ.)
21. ODDS. Vol. XV (1735). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1907. (In Russ.)
22. PSPiR. Vol. X (1738 – November 24, 1741). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1911. (In Russ.)
23. ODDS. Vol. IX (1729). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1913. (In Russ.)
24. ODDS. Vol. XXI (1741). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1913. (In Russ.)
25. ODDS. Vol. L (1770). Petrograd: Synod's Printing House, 1914. (In Russ.)
26. Letters of Platon, Metropolitan of Moscow, to the Most Reverends Ambrose and Augustine. Moscow, 1870. (In Russ.)
27. *Freeze G.* Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860. *Journal of Modern History*, 1990, vol. 62.
28. ODDS. Vol. X (1730). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1901. (In Russ.)
29. ODDS. Vol. XIX (1739). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1913. (In Russ.)

30. PSZ-1. Vol. XIX. St. Petersburg: Printing House of II His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1830. (In Russ.)
31. *Gorchakov M. I., prot.* On the Mystery of Marriage. St. Petersburg: V. S. Balashev's Printing House, 1880, 359 p. (In Russ.)
32. PSZ-1. Vol. XXXVI. St. Petersburg: Printing House of II His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1830. (In Russ.)
33. *Polianskii P. L.* The Shelkovnikov Case: On Delimiting the Competence of Russian Church and Secular Bodies in Matrimonial Cases in the 19th Century. *Bulletin of Moscow University. Series 11. Law*, 2014, no. 5. (In Russ.)
34. Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. XXXXIII. St. Petersburg: N. A. Lebedev's Printing House, 1885. (In Russ.)
35. PSZ-1. Vol. XXXVIII. St. Petersburg: Printing House of II His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1830. (In Russ.)
36. St. Petersburg Senate Gazette, June 7, 1819, no. 23. (In Russ.)
37. *Russian State Historical Archive*, Fond 796, Inventory 97, File 122.

Сведения об авторе:

М. А. Белоусова – аспирант.

Information about the author:

M. A. Belousova – Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 04.08.2025; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 04.08.2025; approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 19.01.2026.